

Цѣна съ перес.

за годъ 2 руб.,

за 3 мѣсяца (Октябрь)

50 коп.

Цѣна отд. № 5 н.

№ 102

(Октябрь)

1908.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

въ РЕДАКЦІИ

Вологодскихъ Епархіаль-
ныхъ Вѣдомостей

и въ КАПЕЛЯРІИ

ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА

ЕПИСКОПА ВОЛОГОДСКАГО.

СОДЕРЖАНІЕ: Спасительное наставленіе. (Амвросія Оптинскаго).—Дотматинъ 1-го гласа.—Жатва жизни. Пшеница и плевель. Еще о томъ же.—Церковный сборщикъ.—„Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ“.

Прилагается къ Вслог. Епарх. Вѣдомостямъ БЕЗПЛАТНО.

СПАСИТЕЛЬНОЕ НАСТАВЛЕНИЕ.

(Амвросія Оптинскаго).

На каждый день, и когда лишь можешь, тверди про себя: „Господи, помилуй всѣхъ днесь предъ Тобою представшихъ“. Ибо въ каждый часъ и въ каждое мгновение тысячи людей покидаютъ жизнь свою на землѣ и души ихъ становятся предъ Господомъ, и сколь, многіе изъ нихъ разстались съ землею отъединенно, никому невѣдомо, въ грусти и тоскѣ, что ни кто-то не пожалѣеть о нихъ и даже не знаетъ о нихъ вовсе, жили-ль они или нѣтъ. И вотъ, можетъ быть, съ другого конца земли вознесется ко Господу за упокой его и ваша молитва, хотя бы вы и не знали его вовсе, а онъ васъ. Сколько умильно душѣ его, ставшей въ страхъ предъ Господомъ, почувствовать въ тотъ мигъ, что есть и за него молеельщики, что осталось на землѣ человѣческое существо и его любящее. Да и Богъ милостивѣе воззритъ на васъ, ибо если вы столь пожалѣли его, то кольми паче пожалѣеть Онъ, безконечно болѣе Милосердый и Любвеобильный, чѣмъ ты. И простить его васъ ради.

Догматикъ 1-го гласа.

Ксирію славу. Нѣтъ на землѣ такого мѣста, гдѣ бы не прославлялось имя Божіей Матери и такого народа, который не зналъ бы о Ней. Ея пророческія слова о Самой Себѣ, сказанная Ею послѣ зачатія Сына Божія при посѣщеніи праведной Елисаветы: *се бо отнынѣ ублажатъ Мя вси роди* (Лук., 27), съ распространіемъ повсюду вѣры въ Иисуса Христа исполнились съ буквальною точностію. „Гласъ Ея, говоритъ святитель Филаретъ Митрополитъ Московскій, слышатъ всѣ народы, вѣка, конца вселенныя и отвѣтствуютъ Ей; се исполняемъ слово Твое, *блажимъ Тя вси роди, Богородице Дѣво*“ (полун. по вся дни). Цари и подданные, богатые и бѣдные—всѣ воздаютъ Ей славу и поклоненіе, просятъ Ея предстательства и помощи. *Никто же притекаяй къ Тебѣ посрамленъ отъ Тебе исходитъ*,—Она, милосердая Матерь, всѣмъ помогаетъ, за всѣхъ ходатайствуетъ и никому не отказываетъ въ Своей всеильной помощи. Такая всемірная слава Божіей Матери не ограничена какимъ либо временемъ—она будетъ продолжаться до скончанія міра, пока на землѣ есть вѣрующіе, пока существуетъ Церковь—*не умолчимъ никогда, Богородице, силы Твоя глаголати недостойни*.

Отъ условья прозакшю. Таковую всемірную славу имѣетъ не какое либо особо высшее существо, какъ напр. добрые Ангелы, обладающіе всѣми совершенствами, но *отъ чловѣкъ прозаяшая*,

т. е. происшедшая изъ рода человѣческаго. Это тѣмъ болѣе возбуждаетъ удивленіе и благоговѣніе къ Пресвятой Дѣвѣ Маріи.

Родъ человѣческой чрезъ грѣхопаденіе былъ удаленъ отъ своего первобытнаго тѣснаго общенія съ Богомъ и погруженъ въ грѣховный мракъ. Даже такіе великіе мужи, какъ Моисей, Давидъ и др. не свободны были отъ грѣха. Но какъ жезлъ Аароновъ, высохшій, въ одну ночь прозябъ, покрылся листьями и далъ плоды, такъ и отъ престарѣлой Анны, которая происходила изъ рода Ааронова, прозябла *Лоза, возрастившая намъ Плодъ живота.*

Владыку родницу: Дочь Іоакима и Анны, которые хотя происходили изъ царскаго рода, но жили въ бѣдности, никѣмъ незнакомые, приобрѣла Себѣ всемірную славу тѣмъ, что за Свое смиреніе, чистоту и святость жизни не только приблизилась болѣе всѣхъ къ Богу, но и вмѣстила Его въ Себѣ тѣлесно, *родила Владыку міра* и чрезъ это сдѣлалась Царицею неба и земли, Госпожею и Владычицею ангеловъ и человѣковъ. Поэтому св. Іоаннъ Дамаскинъ и называетъ Ее небесною дверію: *искѣсѣнію Дверь воспомнѣ Марію Дѣву.* Пророкъ Іезекиль за нѣсколько сотъ лѣтъ провидѣлъ Св. Духомъ это событіе и воскликнулъ: *сія врата заключена будутъ и не отверзутся и никто же пройдетъ ими: яко Господь Богъ Израилевъ внидетъ ими и будутъ заключена* (Іез. 44, 1. 2). Чрезъ Нее, т. е. Марію Дѣву, какъ бы чрезъ дверь прошелъ Богъ Слово и явился на землѣ во плоти, и такъ какъ Онъ явился съ неба, то св. Іоаннъ Дамаскинъ и называетъ Ее Дверію небесною. Непонятно было и Самой виновницѣ такое чудесное событіе. Будучи „неискусомужною“, дѣвственницей по обѣту, когда явился къ Ней Архангелъ Гавріилъ съ благовѣстіемъ, что отъ Нея родится Сынъ, Царству Котораго не будетъ конца, Она съ недоумѣніемъ спросила его: *како будетъ сіе, и дѣже мужа не знаю* (Лук. 1, 35)? *Вѣдь чужде матеремъ дѣвство и странно дѣвамъ дѣторожденіе; но на Тебѣ, Богородице, оboa устроишася* (9 пѣс. кан. на Рож. Бог.). Недоумѣніе Ея разрѣшилъ Архангелъ, онъ сказалъ *Богъ и дѣже хоцетъ, нобѣждается естества чинъ* (стих. Благ.), и то, что казалось невозможнымъ, т. е. будучи Дѣвою зачать и родить Сына и по рожденіи остаться Дѣвою, какъ предсказалъ пр. Іезекиль, сдѣлалось возможнымъ, *яко не изнеможетъ у Бога всякъ глаголь* (Лук. 1, 37).

Безплотныхъ пѣснь. Не одни мы, грѣшные, прославляемъ Пр. Богородицу, Ее воспѣваютъ и ангелы. *Радуйся, яко Тебе небесная невидимая воинства славословятъ всегда и величаютъ яко Матерь Божію бывшую* (кан. Одиг. п. 8 тр. 2). Святитель Филаретъ, архіеп. Черниговскій, въ своихъ историческихкихъ изслѣдованіяхъ о пѣснопѣніяхъ греческой Церкви, рассказываетъ слѣ-

дующее: на Аѳонѣ, недалеко отъ обители Пантократора, жили въ убогой келліи старецъ съ послушникомъ. Однажды старецъ ушелъ въ храмъ и въ глубокой вечеръ оставшійся послушникъ услышалъ стукъ въ дверь у келліи и, отворивши ее, увидѣлъ странника монаха. Съ любовію онъ принялъ его къ себѣ на ночь въ келлію. Во время молитвы инокъ—хозяинъ запѣлъ пѣсню пр. Космы Маюмскаго „Честнѣйшую херувимъ“, но странникъ сказалъ: „нѣтъ, мы такъ величаемъ Божию Матерь“ и запѣлъ: „Достойно есть яко воистину“... По просьбѣ инока странникъ по окончаніи пѣнія, этой пѣсни, за неимѣніемъ бумаги и чернилъ, записалъ ее перстомъ на каменной плитѣ и сталъ невидимъ. Такая высота и святость Богоматери, возбуждаетъ въ вѣрующихъ не только благоговѣніе, но и похвалу, какъ говорится въ одной свящ. пѣсни: „Тобою, т. е. Богоматерію, хвалимся“. Эта мысль и выражена въ словахъ: „и вѣрныхъ удобрѣніе“. Слово *удобрѣніе* значитъ „украшеніе“. Какъ драгоценные камни служатъ украшеніемъ различныхъ вещей, такъ и Божія Матерь, за Свою святость и чистоту превознесенная выше чиновъ ангельскихъ составляетъ украшеніе для вѣрующихъ. Въ особенности вѣрующіе украшаются тѣмъ, что *сла бо, отъ челоуѣкъ прозябшая, авнса небо и храмъ Божества. Что Ты наречемъ, о Благодатная! небо, яко возсіяла еси солнце правды* (Богор. 1 ч.). Днемъ на видимомъ небѣ сіяетъ солнце, которое освѣщаетъ и согрѣваетъ землю; отъ Пресвятой Дѣвы Маріи *возсіяло Солнце правды—Христосъ Богъ нашъ, просвѣщаяй суція во тьмѣ* (троп. на Рож. Бог.). До пришествія Спасителя на землю только весьма малая часть людей сохранила вѣру въ истиннаго Бога, большинство же поклонялось идоламъ. Въ числѣ идолопоклонниковъ были люди, сознававшіе нелѣпость языческой религіи, но своимъ умомъ не постигшіе истиннаго Бога, и вотъ они создали алтарь „невѣдомому Богу“. Этого то невѣдомаго Бога и возвѣстилъ Родившійся отъ Маріи Сынъ Божій и, какъ Солнце правды, освѣтилъ и уничтожилъ Своимъ ученіемъ мракъ языческой. Кромѣ солнца, сіяющаго днемъ, ночью на видимомъ небѣ появляется безчисленное количество звѣздъ; и Пресвятая Дѣва Марія преукрашена и сіяетъ, какъ ночное небо звѣздами, благодѣяніями, которыя Она оказываетъ людямъ, прибѣгающимъ подъ Ея покровъ, въ такомъ количествѣ, что ихъ исчислить нѣтъ возможности. Кромѣ того есть небо невидимое, духовное, гдѣ пребываетъ Богъ, и въ этомъ преимущественно смыслъ свящ. пѣснопѣвецъ и называетъ Дѣву Марію небомъ, какъ указываютъ на это дальнѣйшія слова этой пѣсни „и Храмъ Божества“. Храмомъ обыкновенно называется такое зданіе, въ которомъ Богъ имѣетъ особое присутствіе—гдѣ Онъ являетъ Себя въ таинствахъ. Особенное присутствіе „Божества“ проявилось и въ Пресвятой Дѣвѣ Маріи: *Ложь—*

сна бо Твоя престолъ сотвори и чрево Твое пространство небесъ содѣла.

Ся прегражденіе кражды разрушивши т. е. разрушила ту преграду, которая была между Богомъ и людьми. Адамъ и Ева нарушили заповѣдь, данную имъ въ раю, не вкушать отъ плодовъ древа познанія добра и зла и Богъ, изгнавши ихъ изъ рая, представилъ херувима съ огненнымъ мечемъ, который охранялъ входъ въ рай. Правосудіе Божіе не могло быть удовлетворено жертвою человѣческою или даже, ангельскою. Только вольное страданіе и крестная смерть безгрѣшнаго Богочеловѣка могли разрушить эту преграду. Но для этого Сыну Божію нужно было принять плоть:— *понеже дѣти приобщаюшася плоти и крови, и Той приискренне приобщися тѣхже, да смертію упразднитъ и мущаго державу смерти, сирѣчь діавола, и избавитъ ихъ, елицы страхомъ смерти повини бѣша работъ* (Евр. 2, 14—15), нужно было низойти въ утробу человѣческую, и родиться человѣкомъ, подобно всѣмъ намъ. Богъ отъ вѣка предвидѣлъ—кто будетъ „дверію“ явленія Его на землѣ, кто содѣлается „лѣствицею“, достигающею до неба, по которой снидетъ Сынъ Божій. Этою дверію, этою лѣствицею и оказалась Пресвятая Дѣва Марія, Которая не только участвовала въ разрушеніи этой преграды, но и *миръ въсѣде и царствіе отверзе*. Въ ночь Рождества Хрїстова Ангелы пѣли: *слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ въ чловѣчьихъ благоволеніе* (Лук. 2, 14), т. е. прославляемъ Бога, пребывающаго въ вышнихъ, пославшаго на землю для умилоствленія правосудія Своего Единороднаго Сына и облагодѣтельствовавшаго такимъ образомъ весь родъ человѣческій. Входъ въ рай теперь не возбраняется и *херувимъ приставленный съ огненнымъ мечемъ, отступаетъ отъ древа жизни, и азъ райскія пищи причащаюся, отъ нея же произнанъ быхъ послушанія ради* (стих. на Рож. Хр.).

Сю үко нмѣще вѣры утвержденіе. Едва ли найдешь такого человѣка, который, проживъ до старости, могъ бы сказать, что онъ прожилъ свою жизнь безъ скорбей, безъ печали и бѣдствій. Врагъ нашъ діаволь, по попущенію Божію, искушаетъ насъ различными несчастіями, отъ которыхъ не оберегаетъ насъ ни богатство, ни слава, ни знатность. Гдѣ же намъ искать помощи и защиты, какъ не у Пречистой Богоматери? Кто намъ, погибающимъ иногда въ волнахъ житейскаго моря, протянетъ руку помощи, какъ не Пресвятая Дѣва Марія? Она на Себѣ переиспытала и перечувствовала различнаго рода скорби и печали, а потому Она вполне можетъ понять и оцѣнить и наши скорби, и наши печали, и знаетъ, какъ насъ утѣшить, какъ намъ помочь. Она сильна Своимъ ходатайствомъ предъ Господомъ, какъ Его Матерь: *много бо можетъ моленіе Матернее ко благосердію Владыки*. Поэтому мы имѣемъ Ее *утверженіемъ*, такъ сказать, яко-

ремь нашей вѣры, т. е. будучи увѣрены въ Ея непрестанной заботливости о нашемъ спасеніи, надѣемся, что Она можетъ „елика хошетъ“, потому что Родившійся отъ Нея есть Господь, Владыка неба и земли. Онъ, какъ Сынъ Ея, милостиво принимаетъ и исполняетъ всѣ Ея прошенія, и такимъ образомъ чрезъ Ея ходатайство мы имѣемъ всеильнаго Поборника — Поборника нашимъ изъ Нея роднаго Господа.

Держайте убо, держайте, людие Кожии; нбо Той побѣдять враги, яко исселенъ. При помощи такого всемогущаго Покровителя, для людей искренно вѣрующихъ, людей Божіихъ, не можетъ быть страшна какая бы то ни было опасность какъ отъ внѣшнихъ, такъ и отъ внутреннихъ враговъ. Родившійся отъ Нея Господь, *Самъ искушенъ бывъ* всячески, т. е. отъ діавола Онъ былъ искушаемъ въ пустынѣ и много терпѣлъ отъ злобы и зависти людской, поэтому Онъ можетъ и *искушаемымъ помощи* (Евр. 2, 18). Исторія нашего отечества указываетъ, что когда его невозможно было спасти отъ бѣдствій при помощи людей, то Всемогущая десница Божія, по ходатайству Его Пречистой Матери, избавляла отъ напастей и бѣдъ. Равнымъ образомъ и изъ частной жизни не только угодниковъ Божіихъ, но и простыхъ смертныхъ, видно, что нѣтъ той бѣды, опасности и несчастія, отъ которой не могла бы избавить Всемогущая десница Вышняго. Онъ Самъ сказалъ: *только вѣруй. Вся возможна вѣрующему.* Эти святые слова пусть служатъ для насъ опорой, якоремъ спасенія; они намъ указываютъ, что если когда тяжело тебѣ, христіанинъ, или отъ нападенія діавола, или отъ людской злобы, то какъ Ап. Петръ, воскликни: *Господи, спаси меня; я погибаю*, и Онъ, Спасый Израиля при морѣ, спасетъ и тебя въ опасности, какова бы она ни была.

ЖИЗНЬ ЖИЗНИ. ПШЕНИЦА И ПШЕВЪЗЫ.

Изъ личныхъ воспоминаній и свидѣтельствъ истинныхъ.

V.

Еще о томъ же.

Разсказать ли тебѣ еще, дорогой мой читатель, что вслѣдъ за горькимъ примѣромъ смерти Андрея Марина съ сыномъ просится подъ перо мое, и что тоже произошло нѣкогда на моихъ глазахъ, на глазахъ сотни свидѣтелей, большихъ и малыхъ, въ виду и въ памяти того же роднаго моего села Золоторева? Боюсь утомить вниманіе твое, но еще больше боюсь скрыть дѣло Бо-

жіе, совершившееся,—чувствуется мнѣ,—не безъ участія великаго заступника вдовъ и сиротъ, Святителя и Чудотворца Николая. Потрудишься же, выслушай!

Въ томъ же, стало быть, родномъ моемъ селѣ и въ то же, приблизительно время, когда произошло рассказанное событіе съ пастухомъ Маринымъ и его сыномъ, въ двухъ крестьянскихъ семьяхъ—Павловыхъ и Стефановыхъ совершилось нѣчто не менѣе знаменательное, а, пожалуй, и еще болѣе грозное.

Село Золоторево Орловской губерніи, Мценскаго уѣзда, въ которомъ я жилъ и работалъ въ теченіи восемнадцати лѣтъ и гдѣ я провелъ наѣздами свое раннее дѣтство, юность и безвыѣздно часть зрѣлаго возраста, село это дѣлится на двѣ половины, на 1-е и 2-е Золоторевскія общества. Такъ стали называться эти половины со времени эмансипаціи, а прежде, по старинному, онѣ звались по фамиліямъ помѣщиковъ, одна—Нилусовской, а другая—Шурьевской. Въ деревенскомъ обиходѣ, по уличному, эти названія сохранялись еще до самого послѣдняго времени, когда Богу было угодно вызвать меня на иное дѣланіе: крѣпко еще держалась въ русскомъ крестьянинѣ привычка къ старому патріархальному быту, и плохо мирилась она съ казенной безжизненной нумераціей. Теперь все стало не то: ко всему, видно, привыкать нужно...

Такъ, вотъ, въ Нилусовской половинѣ, въ 1893 или въ 1894 году, точно неупомню, дошелъ чередъ умирать одному домохозяину. Звали этого раба Божія Максимомъ Косткинымъ. Былъ онъ еще человѣкъ не старій, годамъ, такъ, къ 43-мъ, былъ полонъ силъ и здоровья, но страдалъ одной слабостью—любилъ не ко времени выпить. И, вотъ, опозднившись разъ въ кабакъ, шелъ онъ ночью домой, да вмѣсто того, чтобы попасть ко двору, попалъ въ какую-то лужу, въ ней заночевалъ, а домой припелся только подь самое утро. Съ этого утра захворалъ Максимъ; сталъ болѣть, чахнуть да, проболѣвши такъ съ полгода, и померъ. За болѣзнь Максима и безъ того неисправное его хозяйство дошло до окончательнаго упадка, такъ что его семейнымъ пришлось пойти подь окошко побираться. Горя великаго и муки—мученической хлебнула тогда семья Максима, что называется, полной чашей; а была та семья ко дню смерти Максима немаленькая: самъ больной хозяинъ, да баба-хозяйка, да семь дѣвокъ малъ-мала меньше; старшей—Танькѣ шелъ въ то время пятнадцатый годъ, по ней второй, Аксюткѣ, —двѣнадцатый, а за ними шли все погодки — кому 9, кому 8, а младшей было только два года. Максимова баба—звали ее Ульяной—съ больнымъ мужемъ да со старшей дочерью и тремя малолѣтками останется, бывало, дома, а Аксютка съ двумя сестренками, что

постарше, и пойдутъ себѣ „въ кусочки“ стучать подѣ окошки христіолюбцевъ:

— „Подайте, милостивцы: Христа ради!“

И зиму-зимскую ходили побираться бѣдняжки. Что горя-то приняли онѣ, разутыя, раздѣтыя, голодныя въ эту памятную для нихъ зиму! Ангелы ихъ Хранители, видно, сберегли ихъ, оттого и живы остались....

Наступалъ конецъ Великаго поста того года, когда умеръ Максимъ Косткинъ (онѣ скончался лѣтомъ, во время самой рабочей поры); приблизилась Седмица Страстей Господнихъ. И говорить мнѣ мой староста, Данила Матвѣевичъ:

— „Дозвольте доложить вамъ, сударь! Вы, вѣдь, изволите знать Ульяну Косткину, что къ намъ на поденную ходитъ? Такъ, не прикажете ли намъ помочь ей чѣмъ да нибудь? Совсѣмъ извелась баба“.

И онѣ мнѣ разсказалъ всю исторію горемычной семьи Косткиныхъ. Вошла она мнѣ и моимъ домашнимъ въ сердце, и въ утро Свѣтлаго дня Пасхи, возвращаясь домой отъ обѣдни, я зашелъ провѣдать горемыкъ, навѣстить больнаго и, кстати, убѣдиться, такъ ли велика ихъ нужда, какъ о томъ мнѣ сказывалъ мой Данила Матвѣевичъ.... И съ этого великаго дня порѣшили мои домашніе дать помощь этой несчастной семьѣ и если не поднять ее на ноги, то, по крайней мѣрѣ, не дать ей умереть съ голоду!.....

Такъ-то, вотъ, печется Господь о людяхъ!

Когда умеръ Максимъ, а черезъ два мѣсяца послѣ его смерти, вдова его, Ульяна, родила сына, восьмага ребенка, вся Косткинская семья была принята подѣ покровительство моихъ домашнихъ и постушила на иждивеніе экономіи, на мѣсчину ¹⁾. И надо отдать справедливость Ульянѣ: не даромъ она съ семьей своей ѣла харчи и, чѣмъ могла, тѣмъ и работала, отработывая экономіи за великую милость Господню, явленную ей сиротской долѣ. Глядя на это, мои семейные полюбили Ульяну, а, полюбивъ, взяли ее съ семьей на полное свое попеченіе: завалится дворъ,—дворъ поправятъ; тамъ печка не исправна,—печку прикажутъ новую сдѣлать; то съ подѣльной землей распорядятся отдать ее подѣ обработку надежному человѣку—дома у Ульяны работать-то мужиковскую работу было некому; тамъ, глядишь, подати спрашиваютъ,—оплатятъ и подати: взялись, словомъ, за Ульяну, какъ за дочь родную.

И позавидовалъ врагъ человѣческаго рода Ульянѣ, и пошли по селу суды да пересуды, кто во что гораздъ: совсѣмъ, было,

1) Въ старинныхъ, или жившихъ по старинѣ, дворянскихъ помѣстьяхъ „мѣсчиной“ называлась ежемѣсячная помощь продовольствіемъ отдѣльному лицу, или цѣлому семейству, впаавшему въ бѣдность.

извели несчастную бабу такъ, что хоть вовсе отказывайся отъ помощи и опять ступай побираться по-міру, если бы не была такъ велика нужда съ такой-то семейкой,—сама—девятая. Пришлось смиряться да отмалчиваться, а когда тайкомъ и горько поплакать. Этимъ-то путемъ смиренія и побѣдила Ульяна всѣ вражьи навѣты: унялась сплетня, порѣшивъ на томъ, что Ульяна—колдунья и „слово такое знаетъ“. Порѣшила сплетня да на томъ и успокоилась.

Но не унялась бѣсовская сила и всю свою злобу и зависть перенесла въ сердца ближайшихъ къ Ульянѣ сосѣдей, двухъ родныхъ братьевъ, Ильи и Сидора Павловыхъ. Эти уже, просто, что называется, остервенились на Ульяну. И почтительна она къ нимъ была, даже заискивала—такъ, нѣтъ же, видѣтъ ее равнодушно не могли и, кажется, разорвать были бы ее готовы, если бы не знали, что за ея сиротствомъ стоятъ ея покровители и не дадутъ ее въ обиду. Но чѣмъ болѣе имъ приходилось сдерживать свою злобу, тѣмъ сильнѣе и яростнѣе жгла она ихъ сердца, прорываясь на каждомъ шагу сосѣдскихъ отношеній. Чего, чего только тамъ ни было!.. Кто знаетъ, какъ и въ чемъ можетъ проявляться мелочная злоба въ деревнѣ между сосѣдями, тотъ и безъ словъ пойметъ, какую муку терпѣла Ульяна отъ братьевъ Павловыхъ. Доходило иногда до того, что въ припадкахъ безсильной ярости, истощивъ надъ Ульяной весь запасъ ругательствъ, отколотивъ ни за что, ни про что то ту, то другую изъ дѣвочекъ, переломивъ спину дворовой собакѣ, искалѣчивъ поросенка, курицу—словомъ, понатворивъ то или другое неистовство, они за глаза грозились мнѣ, грозили меня поджечь, убить... Мало ли еще чего сулили мнѣ, чтобы запугать и безъ того на полу-смерть перепуганную Ульяну.

— „Ты, такая-сякая, на своихъ благодѣтелей надѣшься!“—кричали они Ульянѣ: „такъ мы и имъ, и тебѣ покажемъ; мы вамъ зададимъ! Мы потрохи-то изъ васъ выпустимъ!“

И ярилась, и плевалась, и злобствовала безсильная ярость осатанѣвшаго сердца, но дальше угрозы переступить не могла: Свои пути у Господа, и грань ихъ не нарушить всей силѣ бѣсовскаго ополченія!..

Съ годъ, или немногимъ больше, продолжалась эта ненависть, горѣвшая въ сердцахъ братьевъ Павловыхъ, не потухая, а все болѣе разгораясь; и кто знаетъ, чѣмъ бы все это кончилось, если бы не грянулъ надъ ними громъ кары Божьяго суда и гнѣва. Въ годъ съ небольшимъ и слѣда не осталось отъ обоихъ человѣконенавистниковъ. Началось съ Сидора. Шелъ онъ изъ кабака домой, а дѣло было поздней ночью; было темно; путь ему лежалъ черезъ рѣчку, а въ то время черезъ рѣчку перестраивали мостъ и перестилали мостовую настилку. Былъ устро-

енъ рядомъ временный мостъ, по которому и ходили всѣ трезвые люди; ну, а у пьянаго человѣка всякая бываетъ фантазія: и отправся сильно подвыпившій Сидоръ по тому мосту, который перестилался. На мосту съ одной стороны доски были уже положены, но еще не были пришиты гвоздями, а съ другой только и было положено, что нужно было для перехода плотникамъ; въ промежуткѣ же зіяла четырехъ-саженная пропасть въ самую рѣчку. Какъ ужъ это вышло, одному Богу извѣстно, но только рано поутру, когда вышли плотники на работу, то, къ великому своему ужасу, увидѣли Сидора уже мертвымъ: виситъ несчастный внизъ головою надъ пропастью, а ноги застряли между двумя досками мостовой настилки. Такъ и кончилъ жизнь Сидоръ медленной, мучительной, страшной смертью.

Не прошло, кажется и году со дня несчастной смерти Сидора Павлочева, какъ грозный судъ Божій постигъ и другого брата, Илью. Къ этому времени Илья остался жить бобылемъ: была у него жена,—умерла; сынъ ушелъ на шахты и не давалъ о себѣ извѣстій; была еще дочь-вѣковуша, дѣвушка хорошей, благочестивой жизни,—та съ отцомъ не жила, а можетъ быть, тоже умерла—этого я не упомню; но знаю только, что Илья въ то время жилъ одинокимъ, старымъ, сердито-хмурымъ старикомъ, не входившимъ въ общеніе ни съ кѣмъ, кромѣ Ульяны Костиковой, своей ближайшей сосѣдки, которую онъ продолжалъ ненавидѣть попрежнему. И вотъ, наканунѣ вешняго Николы, нашли Илью Павлочева въ его избѣ съ раскроеннымъ на двое черепомъ...

Въ мѣстности нашей, когда произошло это событіе, преступленія, подобныя тому, которое совершено было надъ Ильей Павлочевымъ, были крайне рѣдки: все наше село было потрясено событіемъ, а становой, такъ тотъ заклялся, кажется, ни пить, ни ѣсть, пока не разыщетъ убійцы. Но дѣло это оказалось не подъ силу нашему становому: убійца какъ сквозь землю провалился, не оставивъ по себѣ и слѣда, хотя много перетаскали народу и въ становую квартиру, и къ слѣдователю, да все напрасну—на убійцу такъ-таки и не напали.

И рѣшено было властями: предать это дѣло волѣ Божіей...

Убили Илью Павлочева 5-го или 6-го Мая. Трупъ его былъ найденъ наканунѣ Николинаго дня, а убитъ-то Илья былъ двумя-тремя днями раньше, какъ опредѣлилъ докторъ, производившій вскрытіе. Шель Рождественскій постъ. Въ началѣ Декабря, или въ самомъ концѣ Ноября, тоже, стало быть, близъ Николы, то, что было не по плечу властямъ земнымъ, легче легкаго разрѣшилось властью небесной; и разрѣшилось такъ, что мы всѣ, бывшіе очевидцами, только руками развели да ахнули. А было съ чего ахнуть!

Въ тотъ годъ сильно затянулась у насъ осень: въ началѣ Декабря о снѣгѣ не было и помину. Выпадалъ, правда, снѣжокъ, да тутъ же и таялъ; затѣмъ землю схватило морозцемъ, разъяснилось небо, морозы усилились и комками сковали дорожную грязь: много боялись тогда, что вымерзнутъ озими, неприкрытыя отъ стужи зимнимъ покровомъ... На нашу желѣзнодорожную станцію, къ дорожному мастеру, въ такую-то погоду и дорогу, заѣхалъ повидаться старичекъ-прикащикъ изъ сосѣдняго съ моимъ имѣнія. Не успѣлъ онъ по пріѣздѣ задать своей лошади корму, какъ она зашаталась въ оглобляхъ, рухнула, на землю и въ мигъ издохла. Старичекъ-прикащикъ, человекъ бывалый и опытный, сразу распозналъ, что лошадь пала отъ сибирской язвы и тотчасъ послалъ на село привести кого-нибудь изъ мужиковъ, чтобы закопать ее вмѣстѣ со шкурой. Пришли два брата Стефановыхъ, договорились за работу получить цѣлковый, привели въ хомутъ свою лошадь, связали падаль за ноги, закрѣпили ее веревкой за гужи и сволокли въ оврагъ, въ укромное мѣстечко, а свою лошадь поскорѣе—домой, чтобы не заразилась отъ издохшей. Вернулись Стефановы въ оврагъ, чтобы закопать падаль и тутъ вспомнили, что, вѣдь, шкура-то тоже денегъ стоитъ: рубль-то рублемъ, а отъ шкуры-то и четыремя можно попользоваться; кто тамъ узнаетъ, что она съ падали? Вздумано—сдѣлано: содрали они шкуру, падаль кое-какъ закопали въ мерзлую глину оврага, а шкуру потащили къ себѣ домой. Дѣло было уже поздно вечеромъ, и уже настолько стемнѣло, что можно было смѣло тащить добычу—никто не увидитъ... Вотъ, тутъ-то и совершилась надъ Стефановыми тайна воздаянія за грѣхъ ихъ нераскаянный, отъ людей скрытый, а Богу вѣдомый. Несли они шкуру вдвоемъ да въ темнотѣ наступившихъ сумерекъ, не разглядѣвъ подъ ногами обледенѣвшаго комка грязи, наткнулись на него и слетѣли съ ногъ. Одинъ изъ нихъ лобъ себѣ до крови разсѣкъ, а другой тоже до крови поцарапалъ руку. По началу-то дѣло было небольшое; обтерли себѣ кто—руку, кто—лобъ и пошли себѣ дальше, волоча шкуру съ дохлой скотины; ну, а потомъ дѣло то вышло великимъ.— Не успѣли они дойти до дому да припрятать шкуру, какъ оба стали кончаться: проникла въ ихъ кровь зараза съ падали отъ рукъ, которыми они сдирали шкуру, а потомъ свою кровь обтирали: и, какъ громомъ, поразила ихъ сибирская язва. Пока сбѣгали за священникомъ, одинъ братъ уже успѣлъ покончиться, а другой, хоть и былъ еще живъ, но находился въ такомъ изступленіи, что священнику со св. Дарами къ нему нельзя было и подступить. Такъ и этотъ братъ умеръ безъ покаянія. И такъ была страшна смерть его, такими она сопровождалась проявленіями нечеловѣческой злобы и ненависти ко всему святому, что

трепетало отъ ужаса сердце всѣхъ, начиная со священника, кто лицомъ къ лицу стоялъ передъ этой леденящей душу смертью явно Богомъ отверженнаго человѣка.

И не успѣли остыть эти два трупа, какъ голосъ народный указалъ на покойниковъ, какъ на убійцъ Ильи Павлочева. Всѣ это знали, но всѣ молчали изъ страха предъ убійцами: это были люди, способные на всякое зло, чтобы отмстить каждому кто бы осмѣлился ихъ выдать человѣческому правосудію. Ну, а противъ правосудія Божьяго кто станетъ? Подъ „вешняго Николу“ убили Стефановы Павлочева, а подъ „зимняго“ сами лежали въ гробу, сраженные гнѣвомъ Божиимъ, отверженные, страшные въ своей нераскаянной злобѣ, безсильные принести достойные плоды покаянія...

Дописываю эти строки и слышу: въ открытыя окна, прорѣзывая сгустившійся сумракъ тихой лѣтней ночи, изъ монастырской больницы Оптиной Пустыни, несутся въ мою комнату отчаянные вопли, крики и стоны нечеловѣческихъ страданій. И такъ не день, не два, а скоро уже третья недѣля, какъ, то затихая, то съ новой, удвоенной силой возрастая, вырываются изъ человѣческой груди эти неловѣческіе вопли... Это терзается и мучается умирающее тѣло на смерть обожженнаго, на двѣ трети тѣла обгорѣвшаго человѣка, лакея сосѣдняго съ Оптиной помѣщика. Что за страданія, что за мука!... И эта мука, и эти страданія сопровождаются еще такими страшными видѣніями, что этотъ несчастный, полусгорѣвшій человѣкъ находитъ въ себѣ отъ ужаса силы подняться и бѣжать отъ своего страдальческаго ложа...

Что-то, вдругъ, тихо стало... Не смерть ли освободительница пришла и вырвала страдальца изъ ада, изъ огненной геенны его мученій?.. Должно быть,—такъ! Упокой, Господи милосердый, его истерзанную душу.

Сегодня я узналъ, за что постигла его такая кара: онъ бросилъ свою мать, которой онъ былъ единственнымъ кормильцемъ и послѣдней опорой безпомощной старости и бросилъ изъ-за женщины. Много разъ приходила она къ нему, больная, слабая, дряхлая, и всякій разъ онъ отгонялъ ее, мать свою, съ безчеловѣчной жестокостью. Въ послѣдній разъ она пришла къ нему недѣли три тому назадъ и изъ устъ своего однороднаго сына услышала страшное, безумное слово:

— „Уйди!... хоть бы ты сгорѣла!“

А на другой день онъ самъ сгорѣлъ отъ вспыхнувшей спиртовой лампочки кофейника, на которомъ онъ готовилъ кофе своему господину..... Опять кричить!.. онъ все еще живъ, несчастный!..

Помилуй его, Господи! Спаси, Господи, его душу: она раскаялась, отстрадала и прощена той, которая его породила и которая теперь его же муками страдает, терзается и плачетъ!.. Господи помилуй!

Оптина Пустынь
1 Августа 1903 г.

ЦЕРКОВНЫЙ СБОРЩИКЪ.

Маленькій приходъ церкви села Борковъ, состоящій только изъ 270 душъ, постоянно воспоминаетъ о неусыпномъ благодѣтельѣ церковномъ, ревностномъ попечителѣ и строителѣ довольно великолѣпнаго каменнаго храма. Со времени поступления моего на мѣсто,—1859 года, въ кругу добрыхъ прихожанъ не разъ приходилось мнѣ слышать и говорить о благочестивомъ сборщикѣ церковномъ Филиппѣ, въ жизни коего благодать Божія замѣтно проявляла свои дѣйствія.

Единственный сынъ зажиточнаго въ то время крестьянина Антона,—Филиппъ съ малолѣтства былъ большимъ баловнемъ. Отецъ, какъ самъ послѣ рассказывалъ, такъ нѣжно любилъ и берегъ его въ малолѣтствѣ, что на всѣ проказы его смотрѣлъ сквозь пальцы, а если когда и хотѣлъ наказывать за шалости,—то заступалась за него мать. Поэтому Филиппъ росъ во всемъ разгулѣ, безпрестанно требовалъ себѣ нарядовъ и разныхъ покупокъ, и вообще сдѣлался очень своевольнымъ. Своя воля, особенно при необразованности крестьянской, довела его до крайней дерзости: онъ не сталъ почитать отца съ матерью, и мало слушалъ ихъ внушеній. Сначала старикамъ хотѣлось дожидаться, когда ихъ сынъ достигнетъ зрѣлыхъ лѣтъ: какъ подростетъ, думали они, самъ узнаетъ, что худо, что хорошо; съ годами образумится. Если же шалости Филиппа надоѣдали сосѣдямъ, то родители всячески старались прикрывать ихъ, а особенно обвиняли Филипповыхъ товарищей. Имъ и въ голову не приходило, чтобы такое вольное воспитаніе когда нибудь могло обратиться во зло имъ самимъ и на погибель мальчику. Однако дошло наконецъ до того, что любимый ихъ сынъ выходилъ изъ рукъ вонъ, и вотъ они рѣшились женить его, въ надеждѣ, что, по пословицѣ,—женится, перемѣнится. Женили; но и при этой перемѣнѣ жизни молодой Филиппъ остался такимъ же, какимъ былъ прежде, тѣмъ болѣе, что жена его нисколько не старалась останавливать мужа отъ дурныхъ словъ и оскорбленій противъ родителей. Однажды Филиппъ, какъ бы не помня самъ себя, сильно бранился съ матерью, и своевольно хотѣлъ куда-то идти. Мать въ негодованіи, съ горькими слезами, сказала ему: „пусть же у тебя отнимутся ноги; дай Богъ тебѣ лучше ползать, чѣмъ шляться по свѣту Бо-

жію". Своевольный сынъ только улыбнулся при этихъ материнскихъ словахъ, вовсе не думая о томъ, чтобы родительское слово могло имѣть для него какое нибудь значеніе.—Но въ ту же ночь, во время сна, Филиппъ почувствовалъ, что ноги его стали пухнуть, а потомъ деревенѣть, и эта болѣзнь въ ногахъ съ тѣхъ поръ все болѣе и болѣе усиливалась до того, что наконецъ онѣ сдѣлались какъ плети, и Филиппъ не могъ уже владѣть ими. Отцу и матери жаль стало единственного сына. Они прежде всего обратились къ доброму своему помѣщику Толстому, который въ то время занимался домашнимъ леченіемъ и въ весьма многихъ случаяхъ помогалъ, особенно своимъ крестьянамъ.—Долго лежалъ Филиппъ въ больницѣ. Но ни ванны, предписываемыя помѣщикомъ, ни другія средства не помогали страдальцу.—Тутъ то вспоминалъ онъ объ оскорбленіяхъ, какія дѣлалъ матери, искренно сознавался въ нихъ, съ горестью рассказывалъ о всѣхъ дурныхъ своихъ поступкахъ благодѣтелю помѣщику и рѣшился посвятить свою жизнь на богомолье и служеніе Церкви Божіей.

— „Какъ же тебѣидти куда нибудь къ святымъ мѣстамъ, спрашивалъ его помѣщикъ, когда ты вовсе не можешь и стать на ноги?“

— Батюшка Николай Николаевичъ, ужъ я хоть ползкомъ по-ползу, попрошу у матушки прощенія, какъ нибудь доберусь до Троицы Сергія, помолюсь чрезъ Святаго Угодника Господу Богу; видно, онъ одинъ—мой лѣкарь!

Простившись съ родителями, безногий отправился на богомолье, и долго скрывался безъ вѣсти; но наконецъ возвратился домой здоровымъ и невредимымъ. Во славу имени Божія рассказала онъ всѣмъ—и доброму своему помѣщику, что когда доползъ до Троицкаго-Сергіева монастыря, то сталъ чувствовать силу въ ногахъ, а потомъ при переходахъ изъ одного монастыря въ другой, болѣе и болѣе укрѣплялся, такъ что наконецъ сдѣлался по прежнему здоровъ ногами.—Выздоровленіе свое онъ приписывалъ, по благоволенію Господа, особенно молитвамъ святаго угодника Сергія чудотворца, который принялъ и нынѣ пріемлетъ труды всѣхъ, съ вѣрою притекающихъ изъ самыхъ дальнихъ угловъ Россіи, и врачуетъ немощныхъ.—Съ тѣхъ поръ Филиппъ совсѣмъ перемѣнился въ образѣ жизни. Благодать Божія видимымъ образомъ коснувшаяся его, совершенно измѣнила его дурныя наклонности и привычки. Молодой еще человѣкъ,—лѣтъ 30, онъ сдѣлался необыкновенно строгъ и взыскателенъ къ самому себѣ, почтителенъ въ отношеніи къ родителямъ и особенно милостивъ и услужливъ къ страннымъ и больнымъ. Много плакалъ онъ, когда мать его, вскорѣ по возвращеніи его домой захворала и померла. Грустно ему было, что онъ не успѣлъ еще достаточно загладить прежнюю свою грубость въ отношеніи къ

ней сыновнею любовію и ласками. Дѣтей своихъ вель онъ въ строгости, боялся съ малолѣтства избаловать ихъ, всегда вспоминая старинную русскую поговорку: „учи ребенка, пока онъ лежитъ поперегъ лавочки, а какъ ляжетъ вдоль, трудно будетъ слѣдить!“—Недолго, однакожь, оставался онъ дома празднымъ, и какъ самъ себя опредѣлилъ на служеніе Церкви Божіей, такъ и привелъ ему Богъ.

Въ то время (около 1846 года) Борковская церковь, по бѣдности и малости прихода, съ 1812 года была недокончена строеніемъ. Стояла только одна трапеза съ колокольною, не имѣя ни вида, ни благолѣпія. Наконецъ стараніемъ умершаго нынѣ священника Петра Алексѣева, нѣкоторые прихожане, опасаясь и вовсе лишиться церковнаго богослуженія, принялись за устроеніе холодной церкви, и обязанность быть церковнымъ сборщикомъ возложили на Филиппа, какъ на человѣка, заслужившаго своею степенностью и услугами любовь и довѣріе всего прихода. Тутъ ужъ не жалѣлъ онъ ни трудовъ, ни здоровья, терпѣливо сносилъ всѣ насмѣшки и обиды. За то Богъ даровалъ ему особенную благодать и содѣйствіе со стороны любителей благоустроенія и благолѣпія церковнаго.—Кромѣ денегъ, коихъ собиралъ онъ каждагодно около 500 р. сер., нашлось, по его старанію, много жертвователей, вносившихъ въ церковь весьма цѣнныя вещи и утварь.—Все, что есть теперь драгоцѣннаго на святомъ престолѣ: святой потиръ, ковчегъ, евангеліе съ крестами, лжица, дискось,—три пары хоругвей, нѣсколько драгоцѣнныхъ иконъ съ богато убранными кіотами и вызолоченой рѣзбой, нѣсколько кусковъ парчи,—все это привезено имъ отъ купечества, особенно петербургскаго. Даже мѣстныя иконы, по его же хлопотамъ, пожертвованы въ церковь какимъ-то московскимъ купцомъ.—Пріятно теперь войти въ небольшую, уютную и красивую церковь сельскаго маленькаго прихода, гдѣ такъ все хорошо убрано драгоцѣнными святыми иконами. Остается теперь объ этомъ ревностномъ сборщикѣ, послужившемъ устроенію и украшенію храма Господня, сказать то же самое, что говорятъ всѣ крестьяне съ добрымъ помѣщикомъ: царство ему небесное и вѣчный покой въ загробной его жизни. Дай Богъ и вездѣ на святой Руси побольше ревнителей святой Церкви Христовой и православной вѣры нашей! Да стоитъ и держится она твердо и непоколебимо, по непреложнымъ обѣтованіямъ Самого Господа, до скончанія вѣка. Аминь.

„Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ“.

Иностранныя газеты рассказываютъ слѣдующій поразительный фактъ...

Въ одномъ изъ сѣвероамериканскихъ городовъ праздновался юбилей какого-то общественнаго дѣятеля. Собралась вся „интеллигенція“ и въ числѣ ея немалое количество тѣхъ „прогрессивистовъ“, социаль-демократовъ и анархистовъ, словомъ, той революціонной саранчи, отъ которой не избавлена никакая республика. Въ концѣ вечера заговорили о Толстомъ и его безбожномъ ученіи. Одинъ изъ американскихъ послѣдователей Толстого принялся доказывать нелѣпость всякой религіи, отвергая самое существованіе Божества... Ему возражали... Споръ разгорался, и въ концѣ-концовъ убѣжденный „атеистъ“ воскликнулъ съ пѣной у рта:

— Нѣтъ Бога и быть не можетъ!... Я отрицаю Его... и смѣюсь надъ дураками, вѣрящими этой старой сказкѣ... На всѣ ваши доводы отвѣчу однимъ: если Богъ есть, если Онъ всевѣдущъ и всемогущъ, такъ пусть же Онъ убьетъ меня за мое отрицаніе сейчасъ... сію минуту, тогда только я повѣрю въ Его существованіе...

Не успѣлъ богохульникъ договорить послѣдняго слова, какъ лицо его исказилось... и онъ упалъ на руки окружающихъ... мертвымъ!...

Всѣ усилія привести въ чувство оказались тщетными. Совершенно здоровый, 35-лѣтній человѣкъ умеръ безъ всякой видимой причины, сраженный тѣмъ всевѣдущимъ и всемогущимъ Богомъ, Котораго онъ отрицалъ...

Какая ужасная смерть... и какой страшный урокъ безбожникамъ, которыхъ такъ много развелось въ наше печальное и развращенное время!...

Такъ исполнились слова Господа, сказавшаго: „Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ“.

Поистинѣ возмездіе небесъ преслѣдуетъ измѣнниковъ и предателей, забывшихъ Бога и родину и настигаетъ ихъ тамъ, гдѣ рука земнаго правосудія оказалась безсильна... Только слѣпые или умышленно закрывающіе глаза могутъ отрицать чудесныя проявленія Божественнаго правосудія надъ такими преступниками и богоотступниками!

Изъ Редакціи „Троицкихъ Листковъ“ можно получать слѣд. книжки „Троицкой Народной Вѣсды“:

№ 43. **Повѣсть о пяточисленныхъ молитвахъ.** Цѣна 2 к. съ перес. 4 к.

№ 44. **ВЪ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ** Цѣна 2 к. съ перес. 4 к..

№ 45. **МАРКО ОРАЧЕСКІЙ.** Цѣна 5 к. съ перес. 7 к.,

Адресъ: Сергіевъ посадъ, Моск. губ. въ Редакцію „Троицкихъ Листковъ.“

Ценазъ прот. *Н. Якубовъ.*

Редакторъ свящ. *Н. Коноплевъ.*

Типографія Свято-Троицкой Сергіевой Лавры.